

УДК 81'42

ЛЕКСИЧЕСКИЙ ЭРРАТИВ КАК ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПРИЁМ СОЗДАНИЯ РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА

(на материале романа Д. Киза «Цветы для Элджернона»)

Д.С. Гордашникова

Тверской государственной университет, Тверь

В статье рассматривается использование приёма лексического эрратива для создания речевого портрета персонажа с проблемами в интеллектуальном развитии. Приводятся анализ и классификация эрративов, сравниваются варианты их перевода на русский язык.

Ключевые слова: эрратив, речевой портрет, норма языка, лексика, перевод.

Речь персонажа художественного произведения представляет собой отражение его характера, психологического склада, интеллектуального и культурного уровней. Отличительной чертой произведения Д. Киза «Цветы для Элджернона» стал не только выбор центрального персонажа – умственно отсталого Чарли Гордона (Charlie Gordon), – но и дневниковый жанр всего произведения, позволяющий раскрыть внутренний мир героя. Такая форма хронологически выстроенных отчётов (*progris riport / progress report*) привлекательна как для автора, так и для читателя: первый может выразить переживаемые персонажем эмоции, чувства, изменения психологического состояния в речи главного героя; второй же получает всю информацию о герое непосредственно, без вмешательства авторской речи, самостоятельно отслеживая динамику развития в речевых особенностях. Совокупность этих факторов обуславливает выбор языковых средств, используемых как самим Д. Кизом, так и «автором-повествователем», то есть Чарли Гордоном. Поэтому «речевой портрет», приобретает особую значимость в рамках дневникового жанра.

Речевая характеристика персонажей или речевой портрет персонажей – особый подбор слов, выражений, оборотов речи и т.д. как средство художественного изображения действующих лиц литературного произведения [1: 385]. В современной лингвистике не сложилось четкой процедуры анализа речевого портрета, однако большинство исследователей слоняются к выборочному описанию слов языка, демонстрирующих наиболее яркие особенности портрета личности и/или социальной группы [2; 6; 9].

Наша статья посвящена изучению лексических единиц речи персонажа и, в частности, эрратива как основного приёма создания речевого портрета.

Термин «эрратив» введен Г. Гусейновым для обозначения сознательно искажённой формы языка с тенденцией к приближённому сохранению фонетического облика слова [3: 2]. Отличие от случаев простого ошибочного написания заключается в том, что люди, прибегающие к эрративу, хорошо владеют этой нормой. В данном романе эрратив можно считать художественным приёмом, к которому прибегает автор для создания речевого портрета персонажа; для последнего же он будет являться речевой ошибкой. Очевидно, что Д. Киз использует этот метод для создания образа человека с серьёзными интеллектуальными проблемами, мешающими ему в полной мере овладеть нормами родного языка на всех его уровнях. Однако даже такой избыточный нарушениями орфографической нормы текст сложно воспринимать только в начале чтения, так как норма поддерживается другими уровнями языка: синтаксическим, морфологическим и, прежде всего, фонетическим уровнем.

Наиболее интересный для нашего исследования пласт лексических единиц речевого портрета персонажа дооперационного периода не отличается большим разнообразием, что объясняется небольшим словарным запасом. Чаще всего герой использует стилистически нейтральную и разговорную лексику, свойственную преимущественно устной форме бытовой сферы общения, поэтому вполне очевидно, что он не может оперировать, например, сложными терминами по причине их элементарного незнания. Однако даже такая, казалось бы, бедная речь имеет ряд особенностей [10]. В первую очередь стоит упомянуть большое количество лексических повторов, и особенно это заметно при попытке героя передать косвенную речь:

Miss Kinnian says maybe they can make me smart. I want to be smart.

He said pepul see things in the ink. I said show me where. He said think.

They said how come you went to the adult nite scool all by yourself Charlie. I said I askd pepul and sumbody told me where I shud go to lern to read and spell good. They said why did you want to. I told them becaus all my life I wantid to be smart and not dumb. But its very hard to be smart.

У нас нет оснований полагать, что Чарли не знает синонимов к словам *say* и *tell* (например, *ask, answer, advise* и т.п.) – просто это первые слова, которые всплывают в его памяти. Более того, основная функция его отчётов – информативная, а не выразительная, что не требует большого количества синонимов и широкого спектра выразительных средств.

В то же время мы не можем считать речь Чарли невыразительной: его отчёты наполнены эмоционально окрашенной и оценочной лексикой, и зачастую она представляет собой пары антонимов: *good – bad, evreything – nothing, smart – dumb* и т.д. Это говорит о том, что в психоэмоциональном плане персонаж развит слабо, так как для него не существует градаций: для него в жизни всё может быть либо черным, либо белым, а полутона им не замечаются.

Однако Чарли способен на сильные проявления эмоций, что также отразилось на его речи. Такая особенность реализуется двояко: с одной стороны, речь персонажа изобилует повторами (*These ink blots are stupid. And those pictures stupid too. I think writing these progress reports are stupid too*), с другой – ей не чужд плеоназм (*Im gonna try awful hard*). Такие особенности, скорее, свойственны детской речи с её многочисленными повторами, междометиями, переходящими друг в друга, проявлением избыточности и т.п. Эта особенность речи передана в переводе С. Шарова: «Я всё равно думаю эти тесты и гонки дурацкие и думаю отчёты то же дурацкие» [5: 13] (ср. пер. С. Васильевой: «Эти кляксы психованные. И те картинки тоже психованные» [4]). Несмотря на то, что первый вариант кажется нам более вероятным в речи персонажа из-за близости к детской речи, в которой слово «дурацкий» в значении «глупый, бессмысленный» более вероятно, чем «психованный», второй вариант также имеет право на существование благодаря сходству семантики обоих слов.

Еще одним из проявлений детского и/или наивного восприятия мира является употребление слов, относящихся к семантическому полю «суеверия»: *rabbits foot, lucky penny, horseshoe, black cat*. Обращение к суевериям в упрощённых обрядовых формах помогает персонажу преодолеть внутреннее волнение на поведенческом уровне, что отражено в его речи.

Несмотря на то, что речевой портрет персонажа представляет собой статическую величину, мы можем отметить, что речь Чарли наполняется вновь усваиваемыми лексическими единицами, чаще всего принадлежащими семантическому полю «медицинские исследования». Он ещё плохо ими оперирует, смутно понимает

или вовсе не понимает их значение, но они становятся важными маркерами его новой жизни.

Из-за непонимания значения слов Чарли ориентируется на их произношение и ложную этимологию: так, тест Роршаха (*the Rorschach test*) приобретает форму *rawshok*, ассоциирующийся с эмоциональным потрясением персонажа во время его прохождения, а все тесты Чарли называет *crazy tests* не столько потому, что они направлены на выявление его умственного развития и психического состояния, сколько из-за их кажущейся бессмысленности и глупости.

Один из таких тестов – лабиринт (*a maze*), записанный персонажем как *amazed*. Налицо ложная этимология этой лексической единицы: для Чарли цель этого теста – развлекать (*to amaze*), что стало основой для фиксации им такой графической формы слова. Что интересно, оно стало полноправной единицей его речи и подвергается тем же морфологическим изменениям, что и любое другое существительное: например, приобретает форму множественного числа (*difernt amazeds*).

Еще одним примером применения ложной этимологии стало слово *motivation*, приобретшее форму *motor-vation*. Удивительно то, что эта этимология также объясняется с логической точки зрения, ведь мотивация – это двигатель, мотор (*motor*) нашей деятельности, а Чарли понимает значение этого слова интуитивно (*I don't know what it is. Algernons motor-vation is the cheese they put in the box*).

Но такой механизм не всегда работает: так, неизвестное персонажу слово *iq* (*intelligence quotient*) приобрело форму *an eye-q* только из-за сходства произношения буквы *i* и слова *eye*, что отразилось на его написании.

Другие лексические единицы, принадлежащие семантическому полю «медицинские исследования», также подверглись грубому искажению, т.к. Чарли не был с ними знаком. Более того, эти слова – элементы речевого портрета других людей, более развитых интеллектуально и внутренне, поэтому они резко выделяются на фоне простой и зачастую примитивной речи главного персонажа. Несмотря на это, он записывает начальные элементы лексических единиц, что позволяет нам их восстановить: *intelek*** (*intellectual*), *apath*** (*apathetic*), *acheve**/achev*** (*achievement*), *lowment*** (*lowmentality*) и т.д. В переводах использовались три возможных пути:

- применение приёма опущения как в случае с использованием названия теста Роршаха, приобретшего форму *rawshok*, которую оба переводчика избегают при переводе;

- применение лексических трансформаций: если С. Шаров заменяет *motor-vation* на лексическую единицу «мативация» [5], то С. Васильева прибегает к генерализации («что-то очинь хорошее» [4]).

- применение лексико-стилистических трансформаций: так, *crazy tests* в переводе С. Шарова превратились в «дурацкий тест», а в переводе С. Васильевой – в «психованные испытания», где последний представляется более удачным не только за счёт его эмоциональной экспрессивности, но и за счёт сходства его семантики со словом «психологические», что даёт нам возможность говорить о переводческой находке.

Все вышесказанное подводит нас к следующим выводам. Прежде всего, при создании первого речевого портрета персонажа Д. Киз нарочито грубо искажает стандартное написание слов, используя эрративы не в ходе языковой игры, а исключительно для создания образа героя, испытывающего трудности на всех уровнях языка: фонетическом, морфологическом, лексическом и синтаксическом. Более

того, эрративы представляют собой строгую систему, созданную автором для имитации речи умственно отсталого человека, слабо владеющего нормами речи. Механизм восприятия эрративов заключается в следующем: графика активно взаимодействует с языковыми уровнями и поддерживается сильно искажёнными, но всё же узнаваемыми морфологическим, лексическим, синтаксическим и, прежде всего, фонетическим уровнями.

Список литературы

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. М.: Рипол Классик, 2013. 614 с.
2. Гордеева Н.М. Речевой портрет и способы его описания / URL: <http://www.hqlib.ru/st.php?n=101> (дата обращения: 08.10.2017).
3. Гусейнов Г.Ч. Введение в эрратическую семантику / URL: http://speakrus.ru/gg/microprosa_erratica-1.htm (дата обращения: 11.10.2018).
4. Киз Д. [Keyes D.] Цветы для Элджернона / пер. с англ. С.Васильевой / URL: <https://coollib.com/b/31260> (дата обращения: 08.10.2017).
5. Киз Д. [Keyes D.] Цветы для Элджернона / пер. с англ. С.Шарова. М.: Эксмо, 2015. 384 с.
6. Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Русский речевой портрет. Фонохрестоматия. М., 1995. 128 с.
7. Леорда С.В. Речевой портрет современного студента: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2006. 21 с.
8. Матвеева Г.Г. Скрытые грамматические значения и идентификация социального лица («портрета») говорящего: дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1993. 332 с.
9. Николаева, Т.М. «Социолингвистический портрет» и методы его описания // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. Доклады Всесоюзной научной конференции. Ч. 2. М., 1991. С. 73–75.
10. <http://www.doyouhear.org.au/wp-content/uploads/2012/06/Strategy-6-Analyse-Spelling-Errors.pdf> (дата обращения: 03.10.2017).

MISSPELLING AS A MEANS OF SPEECH PORTRAYING

(case study of «Flowers for Elgeron» by Daniel Keyes)

D. Gordashnikova

Tver State University, Tver

The paper examines the usage of character's inaccurate lexical representation of speech as a means of his character drawing. We give a short overview of this device and systemize the misspellings by their nature and frequency. The paper also focuses on possible ways of translating such inaccuracies into Russian.

Keywords: *misspelling, speech portrait, linguistic norm, speech error, spelling.*

Об авторе:

ГОРДАШНИКОВА Диана Сергеевна – аспирант Тверского государственного университета г.Тверь, e-mail: deni4ka12345@mail.ru